

Игорь Орлов

Письма во власть в системе властных коммуникаций*

Igor Orlov

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Letters to power in the system of power communications

DOI: 10.31857/S0869568722010265

Рецензируемая книга продолжает заложенную ещё в 1990-х гг. традицию изучения писем простых граждан в различные институты советской власти (и, в частности, является продолжением сборника «Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны»¹). Обращение к этому специфическому виду эпистолярного жанра явилось следствием активного знакомства российской историографии с новыми исследовательскими направлениями: британской социальной историей, немецкой историей повседневности, французской историей менталитета и итальянской микроисторией. Замечу, что когда словосочетание «письма во власть» только входило в широкий научный оборот, в силу не устоявшегося статуса и терминологической нечёткости оно употреблялось в кавычках и освободилось от них, лишь обретя признание в научном сообществе.

Составители признают, что письма во власть уже несколько веков представляют собой хорошо известный в России эпистолярный жанр. Однако они подчёркивают, что его расцвет пришёлся именно на советское время благодаря ликвидации неграмотности (с. 3). Думается, что для рассматриваемого периода это обстоятельство стимулировало эпистолярную активность весьма незначительно. Ведь даже в конце 1930-х гг. человек, который мог «нарисовать» свою подпись, считался не неграмотным, а мало-

грамотным. В нашем случае мы зачастую имеем дело с «безмолвствующим большинством», чьи обращения во власть стилистически схожи с устной речью — как слышится, так и пишется. С поправкой, конечно, на то, что значительная часть писем написана со слов респондента более грамотными односельчанами и сослуживцами.

Немецкий философ и публицист XVIII в. Г.К. Лихтенберг полагал, что «в письмах умного человека отражается характер тех, кому они адресованы». В этом плане показательны, что горожане предпочитали обращения в различные органы власти, тогда как сельское население — письма «вождям». Причём текстологический анализ не даёт достаточных оснований говорить о наличии у беспартийных и партийных авторов особых предпочтений. Исключением являются письма сельских и рабкоров, а также возросший во второй половине 1920-х гг. поток писем сельских и городских коммунистов И.В. Сталину.

Показательно, что введение к сборнику служит не только своеобразным путеводителем по опубликованным документам, но и кратким (при этом содержательным) экскурсом в историю публикаторской деятельности и историографии темы. Читатель не найдёт в нём чёткого перечня принципов, определивших архитектуру сборника. Но они так или иначе просматриваются через отношение составителей к из-

---

* Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 — декабрь 1929 г.): сборник документов / Сост. Т.И. Морозова, В.И. Шишкин. Новосибирск: Автограф, 2020. 496 с.

бранному жанру — сложному и неоднозначному, а также уважение к труду предшественников. К примеру, авторы объясняют противоречивость суждений исследователей прежде всего различием и динамичностью изменений взглядов и настроений самих авторов писем (с. 6–7). Ещё одна принципиальная установка, определившая подход составителей, это учёт разного положения (я бы добавил сюда позиционирование и самопрезентацию) центральной власти на протяжении послереволюционного десятилетия. Отбор документов определялся и ещё одной принципиальной установкой — отходом от социальной истории к истории политической. По мнению Шишкина и Морозовой, характер взаимодействия власти и населения можно понять именно в рамках последней (с. 7). Важным является и утверждение о скрытости доноса внутри других посланий (причём не только жалоб и прошений) (с. 3). Отчасти это объясняется укоренённостью доносительства в отечественной политической культуре, отчасти — правовыми установлениями. Зачастую корреспонденты даже не осознавали сам факт доноса, так как он выступал частью послания, призванной доказать несправедливость действий в отношении заявителя (прежде всего со стороны местной власти и низового начальства).

Композицию сборника определил широкий охват архивов (один ведомственный, два центральных и десять региональных). 207 писем из 43 архивных фондов и четырёх краевых, областных и окружных газет разделены по хронологическому принципу (апрель 1921 — декабрь 1922 г., январь 1923 — январь 1928 г., февраль 1928 — декабрь 1929 г.), который, по признанию составителей, условен и «весьма приблизительно» отражает специфику перехода к нэпу и его слову в Сибири (с. 9). Несомненной находкой ста-

ли заголовки глав — яркие цитаты из обращений, отражающие сущностные черты выделенных периодов нэпа.

Почти все документы (за исключением пяти) публикуются впервые и только два из них — не полностью. Можно приветствовать успешную попытку проследить судьбу обращений во власть (144 из 207), особенно в плане выявления механизма обратной связи и сведений о перемещении апелляций по инстанциям. Раскрытие этого составляет важную часть политической истории и политической науки, так как в рамках неоинституционального подхода институты понимаются как совокупность формальных и неформальных практик. Есть и другая сторона медали — сближение политической и исторической науки в рамках исторического институционализма с его интересом к «исторической колее» для понимания современных политических институтов. Рассматриваемый сборник позволяет увидеть и понять не только противостояние населения и власти, но и точки соприкосновения и даже формы партнёрства.

Сами письма раскрывают сложную (иногда откровенно страшную) картину региональной жизни, где столкнулись интересы власти и разных групп населения. Разрешение этого противостояния в первый период нэпа достигалось по-разному — от доносов в центр до самосудов на местах. Показательно, что уже весной 1921 г. заговорили об опасности «грубого произвола» местной милиции и чекистов (политических бюро), рассматривавшегося в привычных категориях «несправедливости» и вешего, по мнению авторов писем, к подрыву авторитета советской власти (с. 15, 17, 22, 29, 40). Но среди обращений к представителям последней также немало просьб о помощи, особенно от заключённых, апеллировавших либо к несправедливости приговора (с. 24),

либо к человечности (с. 27), либо к бедственному положению семьи (с. 77, 83, 89). Звучат и голоса в защиту арестованных. Показательно в этом плане заявление бывшего командира партизанского отряда в губернскую ЧК с рекомендациями для арестованного бывшего партизана как честного труженика и хорошего бойца (с. 31). Ближе к осени основным лейтмотивом посланий становятся жалобы на неурожай, просьбы об освобождении от продовольственного налога или сокращении его объёмов (с. 46–48, 54, 60, 79–80) и даже заявления о выходе из партии из-за несогласия с продовольственной политикой (с. 51, 62–63).

Судя по документам, для периода 1923–1927 гг. более характерны прошения и заявления, связанные с проблемами восстановления разрушенного хозяйства, прежде всего непосильностью продналога (с. 128, 157–159, 200–201, 218, 243), трудностями посевной кампании (с. 179) и частной торговли (с. 188–190, 248), массовым взяточничеством (с. 186–187). Ряд жалоб, как и в предыдущие годы, связан с плохими условиями содержания заключённых (с. 128–129, 183–184, 212) или затягиванием предъявления обвинительного заключения на несколько месяцев (с. 164), противоправными (в ряде случаев — попросту преступными) действиями уездных органов РКП(б) и ГПУ (с. 156–157, 172, 235–238, 279), подрывавшими, по мнению корреспондентов, авторитет власти (с. 131, 157).

Приметой времени стали публичные раскаяния членов эсеровской партии (с. 130, 161–168), расценивавших бывших соратников как контрреволюционеров и пособников интервентов (с. 245). Хотя порой находившиеся в заключении эсеры считали репрессии против них «местью инакомыслящим за их социалистические убеждения» (с. 153). Звучали го-

лоса в поддержку оппозиции («Сами говорим о ленинизме, болтаем только, когда его уже затоптали в грязь. Где завоевания Октября?», — с. 296) и возмущения по поводу использования ГПУ для преследования политических оппозиционеров (с. 300–304). Но встречаются и письма раскаявшихся оппозиционеров, призывающих идти «с партией и в партийных рядах», а не бороться с ней (с. 305). В рабочей молодёжной среде зрело убеждение, что «беспартийным сейчас быть грешно» (с. 171). Более того, среди крестьян наметилась тенденция вступления в партию или восстановления в её рядах (с. 210–212, 217, 225), правда, нередко не из-за солидарности с её идеями, а для того, «чтобы быть хозяином своего положения и защищать интересы своей прослойки» (с. 205).

Ряд писем связан с проблемой возвращения национализированной и муниципализированной собственности (с. 133–134, 136, 201–203). Приметой времени вообще стало обращение к вопросам восстановления законности, направленной, по мнению ряда корреспондентов, на укрепление «заветов Ильича и власти» (с. 209). Они тесно переплетались с понятиями о справедливости (с. 239) и, в подавляющей массе, личными проблемами, в том числе вопросами поражения в гражданских правах.

Заметно увеличилась и дифференциация поднимаемых проблем: от пенсионного обеспечения и курортного лечения (с. 181–182) до избирательства (с. 220–221) и разложения в партийной среде (с. 198–200, 204–207). Расширился и круг интересантов при одновременно усилившейся дифференциации интересов. Помимо уже привычных обращений от крестьян, рабочих, коммунистов, заключённых и военнослужащих, читатель сталкивается с такими групповыми идентичностями, как «секретари сельсоветов»,

«ломовые извозчики», «бывшие эсеры», «красные партизаны» и проч.

Рефреном завершающего периода нэпа (февраль 1928 — декабрь 1929 г.) стала фраза — заголовок третьей главы — о губительных последствиях, «к которым приводит сбившееся с ленинских путей руководство» (с. 379). В этом разделе — чуть более 40 обращений, но они демонстрируют довольно широкий спектр как корреспондентов (школьники и студенты, крестьяне и рабочие, красноармейцы и служащие, партийные и беспартийные, верующие и бывшие священнослужители, «выдвиженцы» и бывшие оппозиционеры), так и адресатов (советские и партийные органы, редакции газет, судебные инстанции и избирательные комиссии). В подавляющей массе это письма в местные инстанции (в основном обезличенные²). Обращения в ЦК партии в основном поступали от ссыльных оппозиционеров, причём нередко — далеко не покаянного характера: «Только оппозиция в руководстве способна вернуть страну на ленинские пути» (с. 411).

В условиях свёртывания нэпа формировалась специфическая советская политическая культура. Мы видим «торг» о льготах при распределении в район Крайнего Севера студента-медика, апеллирующего к своему красноармейскому прошлому и активной общественной работе (с. 380—384). Поразительно много обращений о восстановлении в избирательных правах (с. 386—388, 411—421, 431, 433—435, 450—455), что объяснялось, конечно, не стремлением участвовать в выборах, а теми общими ограничениями, которые налагались на лишенцев (включая проблемы с трудоустройством и учёбой). Впрочем, в письмах просматриваются и иные причины, прежде всего ощущение униженности положения перед лицом односельчан и стремление стать «чисто советскими

крестьянами» (с. 387). Хотя, возможно, для зажиточных селян за этим стояло желание избежать налогового прессы и штрафов (с. 396, 442—444). Крестьяне видели парадокс: «Наша Советская власть старается восстановить крестьянское хозяйство, но на местах выходит наоборот» (с. 394). Ситуация с лишением прав получила на излёте нэпа развитие и в отказах от семьи как от «враждебного Советской власти элемента» (с. 450). Таким образом, судя по письмам, население (на примере Сибирского региона) втягивалось в новую реальность, которую ещё не могло осмыслить, но уже ощущало как принципиальный разрыв с прошлым.

Ориентированию в массиве писем помогают именной указатель, список сокращений и комментарии к каждой из глав. Возможно, для читателя, слабо знакомого с регионом, оказался бы полезен и географический указатель. Оглавление только выиграло бы от перечня писем, который показал бы, что большинство обращений населения направлялось в советские и партийные инстанции регионального уровня. Так, из 62 писем первой главы только шесть предназначены для центральных органов, из которых два — М.И. Калинин. Видимо, удалённость от столицы резко снижала поток обращений. Показательно, что одно из писем в Москву направлено просто на имя председателя уже не существовавшей ВЧК, даже без упоминания фамилии. Более удобными представляются и отдельные комментарии к каждому письму. Однако архитектура сборника — личное дело его составителей.

Сборник, несомненно, стал значимым явлением в исторической науке, не только расширив наши знания о периоде 1920-х гг., но и в очередной раз актуализировав вопрос о региональной специфике советской политики и особенностях жизнедеятельности на окраинах страны.

Примечания

¹ Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.): сборник документов / Сост. и науч. ред.

В.И. Шишкин. Изд. 2, расшир. и доп. Новосибирск, 2015.

² Исключение составляют письма председателю ВЦИК М.И. Калинину.